

Генрих БОРОВИК:

«Иметь свою позицию...»

Одна из крупнейших акций литературной общественности нашей страны — участие в движении за мир. Советский комитет защиты мира вот уже несколько месяцев возглавляет писатель Генрих Боровик, который хорошо известен и в СССР, и за рубежом. В эти дни, когда советско-американский поход борцов за мир движется между Ленинградом и Москвой, «Литературная Россия» попросила Генриха Аверьяновича Боровика рассказать о его разнообразной творческой работе в телепублицистике, в драматургии и прозе, а также о его деятельности в Советском комитете защиты мира.

— Генрих Аверьянович, Центральное телевидение показало новую художественно-публицистическую программу «Позиция». Вы являетесь ее главным редактором и ведущим. Расскажите, пожалуйста, о сути, направленности этой программы.

— Круг тем, которые она затрагивает, так или иначе будет связан с проблемами нравственности, духовности, если хотите — совести. Все это предполагается объединить с литературой, искусством, жизнью, трудом. Ведь и называется эта программа — «Позиция»: мы имеем в виду, что человек сегодня, гражданин нашего общества, не может существовать без четкой идейной и нравственной позиции.

Около полугода назад по телевидению прошла передача-встреча с Юрием Власовым — прославленным тяжелоатлетом, которая произвела на меня большое впечатление. Власов рассказывал не о том, как нарастить мускулы, не о том, как качать бицепсы, хотя он спортсмен. А о том, как он поборол болезнь духа, болезнь тела, болезнь в человеческих отношениях, как ему удалось победить самого себя. На телевидении это была одна из лучших передач. И я подумал тогда, и, наверное, не я один, как же нужны людям такие вот встречи и как нужен разговор обо всем этом.

Потом я сделал передачу «Бывшие». На нее пришло огромное количество откликов. Письма свидетельствовали о том, что люди поняли: передача эта не об эмигрантах и даже не об их судьбах. И не призывы: мол, не уезжайте из нашей страны или возвращайтесь обратно. То была передача о духовных ценностях нашего социалистического общества. И зрители все поняли. Анализируя отклики, мы подумали, что, наверное, нужна передача, в которой бы рассказывалось о наших неповторимых ценностях, в том числе и о самом сокровенном — о совести, о порядочности, о добре...

Это не значит, что мы будем говорить только о хороших людях и благородных поступках, хотя, естественно, хотелось бы, чтобы наши материалы служили добрым примером. Мы будем говорить и о негативных, и даже о позорных явлениях, стараясь через отрицание отрицательно горьковато прорваться к идеалу.

В газетах, в журналах ныне часто идет обмен мнениями. Но если эти мнения не аргументированы, а приводятся по принципу — мне нравится, а мне не нравится, то начинает казаться, что на свете вообще нет критериев, нет объективных истин, касающихся, например, искусства. Нет, скажем, высокого вкуса. А значит — нет и безвкусицы.

Действительно, литература, искусство, вопросы морали, совести — это все категории, которые часто вызывают споры. Но при всем этом критерий есть, он существует. И размывать их неаргументированным многомнением не стоит.

Вот почему наша программа будет занимать свою позицию. И мы сделаем все, чтобы она была объективной и аргументированной. В том числе и по вопросам искусства, литературы.

Нам не хочется связывать себя какой-то определенной формой или жанром. Иногда это будет передача монотемная. Вот как, например, «Бывшие». Иногда это

будет передача, состоящая из основного блока и нескольких сюжетов. А иногда это будет просто передача, состоящая, скажем, из 10 сюжетов, если, естественно, они будут интересными. Кроме того, планируются специальные выпуски. От имени «Позиции» мы собираемся выступить в программе «Время» по острым вопросам, волнующим общественность, или по проблемам, связанным с культурой.

Наша цель — создать телепрограмму, которая помогала бы делу перестройки прежде всего в области сознания, психологии. Существует несколько типов «позиций», мешающих перестройке. Самая простая: человек не хочет ничего менять, потому что ему удобно. Как прошлогодний снег в прогалинах весной, он «тает», но мечтает сохранить себя (свое кресло) подольше. С другой стороны, есть тип, занимающий «позицию» огородного пугала. Растопырив руки-палки и кричит: «Все развалите, ничего не получится!» Ну, эти оба типа, так сказать, элементарные.

Есть и посложнее. Человек вроде бы за перестройку. Но под шум своих восклицаний о поддержке хочет отрицать все, что осуществлено нашим обществом за 70 лет. Он кричит: «Вы разрушили культуру! Вы не построили обещанного рая на земле». Это уже спекуляция. Потому что мы при всех наших нынешних проблемах, при всех постигших нас трагедиях, которые были вызваны не только внешними, но и внутренними причинами (в них виноваты и отдельные личности, и порой все мы, потому что не находили в себе силы противостоять этим личностям), — при всем этом мы, впервые в истории человечества, построили общество, основанное на разумных началах. Человеческое. В нем, конечно, масса недостатков, нерешенных проблем. Но в основе своей наше общество — здоровое, развивающееся. И им можно гордиться.

— Ваше сотрудничество с телевидением давнее. Хотелось спросить вас как близкого друга ТВ: всегда ли оно выдерживает высокую планку требований культуры? Разумеется, на подобный вопрос можно ответить, что это зависит от тех идей, которым служит телевидение. Однако даже при самых благородных намерениях не способно ли оно внедриться в широкую зрительскую среду усредненно-массовой культуры, лишь имитирующей истинную?

— Прежде всего телевидение — это способ доставки идей, слова, зрелища огромной аудитории. Способ технической доставки. Так же, как книгопечатание, радио и даже как театр (я имею в виду здание, в котором собираются люди). И в качестве способа доставки ТВ может доставлять зрителю и культуру очень высокого полета, произведения гения, а может доставлять антикультуру. Может воспитывать вкус и может разрушать его. Телевидение, к сожалению, может все. Зависит это от того, в чьих руках оно находится, какие цели перед ним ставятся.

Оно может будировать общественное мнение ради высоких целей. А может и манипулировать им, может обманывать, лгать. Телевидение располагает возможностями слова и возможностями зрелища, а это средства воздействия огромной силы. Оно может возвышать человека, делать его лучше. А может возбуждать в

нем самые низменные инстинкты, может воспитывать в нем зверя, воспитывать в нем страх, человеконенавистничество, расизм, привычку к насилию. Что угодно!

Телевидение как средство даже объективной, честной информации, принося малую пользу, в состоянии, к сожалению, приносить одновременно и огромный вред. Представьте, мы, сидя, например, за чаем, видим, как из орудий линкора «Нью-Джерси» бьют по Бейруту... И это между двумя глотками чая. А потом будет показан какой-то смешной эпизод, скажем, как корова лижет голову лысому человеку, чтобы у него выросли волосы. И люди невольно привыкают относиться к жизненной трагедии, к преступлению безразлично. Это объективно отрицательное воздействие ТВ: ведь информация о жизни нужна всесторонняя и по возможности полная.

Теперь — другая ипостась телевидения. Ведь оно не только средство доставки, но и само по себе — искусство. Я имею в виду телевизионные фильмы, спектакли, телевизионную публицистику. Даже — информацию. Это очень сильное средство воздействия на людей. Иногда — таинственное: не всегда объяснишь, почему вот эта передача захватила людей, вызвала тысячи откликов, а эта оставила равнодушными. А раз есть тайна, значит, мы имеем дело с искусством, которое негоже поверять алгеброй. Конечно, телевизионное искусство очень схоже с киноискусством, но все же это свое, телевизионное искусство, которое имеет особенности, одному ему присущие возможности.

Поэтому дело не в телевидении, а в людях, которые творят его как искусство. Само ТВ не виновато, как не виноват, скажем, острый нож, которым можно и хлеб резать, и человека убить.

Одно можно сказать: телевидение — идеологическое оружие огромной силы.

— Кановы, по вашему мнению, общие принципы телепублицистики и как они меняются в зависимости от исторического момента, в частности, сегодня? Будет ли принципиально новой в этом смысле «Позиция»?

— Наша телевидение за последнее время, конечно, очень изменилось. Смотреть его становится все интереснее и интереснее. И особенно изменились в лучшую сторону общественно-политические и литературные передачи; зрители получили возможность задавать острые, волнующие все вопросы, скажем, министрам, политическим, общественным деятелям... И получать на них откровенные или почти откровенные ответы. И вообще — обмен мнениями. Это очень обогащает нас, очень помогает процессу перестройки: гласность на телевидении проявилась очень ярко.

Что же касается художественных передач, то здесь, выражаясь вежливым языком, существует еще очень большой резерв. Есть работы, которые просто стыдно смотреть, которые откровенно воспитывают безвкусицу, впрочем, есть и такие книги, и спектакли, и кинофильмы. Но телевидение имеет столь большую «тиражность», что влияние его, с точки зрения воспитания или разрушения вкуса, не сравнить ни с одной книгой. Ни с одним спектаклем.

Телевидение увеличило ныне часы своей работы. Эти дополнительные часы должны иметь свое содержание. Однако тут и на

чинает отрицательно сказываться спешка, неподготовленность кадров, техническая отсталость нашего ТВ. И далеко не во всем можно винить само телевидение.

Но вернемся к «Позиции». Мы обратились к зрителям с просьбой помогать нам своими советами и предложениями. Если мы все вместе постараемся, то создадим интересную программу, которая бы трогала сердца людей. Будет ли она принципиально новой? Не берусь сказать.

Знаете, у Михаила Рощина есть пьеса «Перламутровая Зинаида». В ней несколько человек создают новый журнал. Очень все волнуются, получится у них или нет. А один персонаж пьесы всегда отвечает так: «Как сделать...»

Если хорошо сделаем программу, может, она иногда будет принципиально новой, иногда просто новой, а иногда обычной, но интересной. Если же она будет неинтересной, мы ее просто закроем.

— Каково ваше отношение к получившим на ТВ жизнь международным телемостам? В чем их достоинства и недостатки?

— Я отношусь к ним положительно. В основном телемосты весьма интересны. Их ждут, их смотрят. И они, конечно, знаменны временем. Времени гласности.

Недостатки. Первый: мосты пока что в основном на двух опорах: Советский Союз и Соединенные Штаты. А есть огромное количество стран, кроме США. Есть и республики, и города СССР, с ними тоже неплохо бы провести телемосты. Но это легко устраняемый недостаток.

Из более серьезных назову такой. В одном из последних телемостов, который «был наведен» между советскими и американскими журналистами, говорилось о стереотипных представлениях, существующих у нас и у них, друг о друге. Мне кажется, что тут произошло досадное недоразумение. Наш художник нарисовал карикатуру, в которой показал наши стереотипы в отношении Америки: капиталист, милитарист, безработный и т. д. и т. п. Что такое стереотип? Это неверное, но устойчивое представление о ком-то или о чем-то. Именно неверное. Потому что если оно правильное, то это — не стереотип. Художник высмеял наше представление о том, что в Америке существуют и милитаристы, и капиталисты, и агенты ЦРУ, и бездомные, и безработные. Но они же действительно там существуют. Значит, это не стереотип. Это — правда!

Уж если был у нас в стране у части людей стереотип в отношении Америки, то я бы назвал противоположное мнение: «США — страна благополучных людей». Других стереотипов у нас нет. И не потому, что наши газеты не рассказывают о безработных или о капиталистах, о милитаристской политике Вашингтона. Газеты — ежедневные политические органы, связанные с ежедневными политическими проблемами. Но мы в Советском Союзе имеем возможность читать книги американских авторов — Хемингуэя, Твена, Миллера, Митчелла, Апдайка, Фолкнера... Поэтому мы знаем Америку гораздо глубже, чем американцы знают нас.

Берусь утверждать, что простые американцы совершенно не знают нас. Они судят о СССР и его людях только по телепередачам и газетам. Возьмите те же телемосты. У нас их смотрит аудитория в 120—150 миллионов человек, а в США их показывают по ограниченной сети местных телевизионных станций.

— Все, что происходит уже достаточно продолжительное время в нашей стране — расширение сфер действия демократии и широкая гласность, — предполагает естественный взлет публицистики. Но порой создается впечатление, что наши писатели-публицисты торопятся договориться то, о чем не решались сказать раньше, выплеснуть то, что наболело, но им пока еще трудно произнести по современному острое слово, глубоко проанализировать ход подлинных событий и истинность ситуации. Что вы думаете об этом?

— Опять можно вспомнить ту же фразу М. Рощина: «Как сделать...» Все зависит от того, кто этот конкретный публицист, о чем и как он пишет. Одних авторов мне интересно читать, они серьезно анализируют сегодняшнюю обстановку, говорят новое слово. А других — неинтересно, потому что либо они пишут, как писали вчера, либо пишут не по велению сердца, не выстрадая того, о чем ведут разговор, а потому, что от них этого ждут. Третья категория так называемых публицистов — просто бездарные люди. Но я бы не возводил ни хулы, ни хвалы на всю публицистику в целом. Настоящая публицистика (имею в виду художественную публицистику как жанр литературы) воздействует не только на мозг, но и на сердце — это высшее искусство.

Я могу привести пример прекрасной публицистики — творчество Ивана Ва-

